

Глава 16

Зефирная лапка

У нашего малыша Гу Цяня тоже должен быть подарок

Обстановка в кабинете была, мягко говоря, жуткой.

Шэнь Цзяньвэй не видел Линь Му, но зато отчетливо созерцал двух весьма странных посетителей.

Линь Му осознавал свою вину, но был готов нести ответственность. Скользнув вперед, он завис прямо перед лицом Гу Цяня.

— Прости, — выдохнул он.

Собеседник промолчал. Призрак продолжил:

— Но ногу я пока вернуть не могу. Пожалуйста, помогите мне.

Какая ирония. Мир перевернулся с ног на голову. Разве это не чистой воды шантаж?

Гу Цянь невольно вспомнил покойного папашу Чэн Ушэна: «Тот, кто угрожает другим, сам вечно будет ходить под угрозой». Карма — штука беспощадная.

— Умоляю вас, — Линь Му сложил руки в просящем жесте. — Я никогда не видел его в таком состоянии. С ним творится что-то неладное. Сегодня утром он даже написал предсмертную записку!

— Он выдающийся врач, — голос духа дрожал, а сам он, и без того нестабильный, то и дело мерцал, как неисправная лампа. — Его гложет чувство вины. Все вокруг твердят, будто я погиб вместо него. Он слишком горд, он не вынесет такого груза...

— Я знаю, что вы наделены великой силой. Знаю, что поступил дурно. Но только вы можете видеть меня и говорить с ним...

Гу Цянь продолжал хранить молчание, лишь потирал большой палец об указательный — его привычный жест во время глубоких раздумий.

Врач. Врач, укравший голень Цзи Лююня.

Дух прекрасно понимал, что юноша перед ним может развеять его сущность в одно мгновение, и всё равно молил о помощи ради живого человека. Это было не совсем похоже на угрозу. Скорее — на отчаянную, безнадежную попытку защитить.

Если это одержимость, то теоретически она безвредна. А раз это просьба... что ж, почему бы и не помочь.

Цзи Лююнь не смел вставлять свои пять копеек и лишь преданно ловил каждое изменение в выражении лица спутника. Из-за этого затянувшегося раздумья в кабинете воцарилась тяжелая тишина.

Шэнь Цзяньвэй снова поднял взгляд на парочку. Те застыли, пристально вглядываясь в пустоту перед собой, словно там действительно кто-то стоял. Он повидал немало людей с расстройствами психики, да и сам сейчас был немногим лучше. Мир причудлив, и у каждого свое безумие.

В конце концов, он и сам был на грани помешательства.

— Простите, — напомнил он. — Мы продолжим осмотр? Если нет, то за дверью ждут другие пациенты.

Ему никто не ответил.

Шэнь Цзяньвэй мельком взглянул на кнопку вызова охраны. Её установили в кабинете совсем недавно, как раз после того случая, чтобы врач мог позвать на помощь в экстренной ситуации.

Один щелчок — и охрана будет здесь через минуту.

Стоит ли нажимать?

«Да какая разница, — подумал он. — Пускай»

Шэнь Цзяньвэй снова склонился над бумагами. Прошло еще несколько минут, а посетители всё так же сверлили взглядом пустое пространство. Словно там и впрямь...

Ручка замерла. Он не удержался и снова покосился в их сторону. В тот же миг Гу Цянь

посмотрел прямо на него.

Врач встретил его взгляд — глаза Шэнь Цзяньвэя были бездонными колодцами усталости, в которых не осталось ни капли воли к жизни. Этот человек действительно не собирался задерживаться на этом свете.

Вот только Гу Цянь люто ненавидел, когда на него давят.

Спустя мгновение он едва заметно кивнул Линь Му. Тот просиял, и его призрачный силуэт замерцал еще лихорадочнее.

— Спасибо... Огромное вам спасибо...

Словно боясь, что медиум передумает, призрак затараторил:

— В следующий четверг он должен провести операцию, которую готовил я. Пациентка — восьмилетняя девочка. Я полгода разрабатывал план хирургического вмешательства, но ключевые этапы записал в другом месте.

Голос его стал тише:

— Прошу, убедите его взяться за это дело. И передайте ему записи. Говорите что угодно... только не упоминайте меня.

Гу Цянь кивнул еще раз и обратился к Шэнь Цзяньвэю:

— Доктор Шэнь, я пришел поговорить о Линь Му. Слышал, на следующей неделе вы берете его операцию?

Линь Му в ужасе схватился за голову.

— Ты зачем сразу всё вывалил?!

Шэнь Цзяньвэй замер. На листе бумаги под кончиком ручки расплылась жирная клякса. Через пару секунд рука снова пришла в движение. Он не поднял головы, голос оставался всё таким же бесстрастным:

— Не знаю, откуда у вас сведения об операциях, но это касается пациентов и не подлежит обсуждению с посторонними. Что же до Линь Му... Об этом случае достаточно написано в новостях и архивах.

Слишком ровно. Ни тени эмоции в интонации.

Линь Му же, услышав свое имя, окончательно потерял покой. Он начал отчаянно жестикулировать, размахивая руками перед лицом практика Инь.

— Нет! Не надо! Не говори обо мне!

Шэнь Цзяньвэй больше не смотрел на них.

— У меня другие пациенты. Пожалуйста, уходите.

— У меня есть для вас слова Линь Му. Посмертные, — Гу Цянь убрал компас Исы. — Самой первой свежести.

Настолько свежие, что сам автор торчит прямо перед носом, готовый к синхронному переводу.

Шэнь Цзяньвэй наконец поднял голову.

— Это что, какой-то новый вид мошенничества?

— Я даю вам этот шанс лишь один раз. Слушать или нет — ваше дело.

Доктор сохранял маску холодного безразличия, но пальцы его так сильно сжали ручку, что на бумаге остались глубокие борозды. Кадык на его горле дернулся.

— Я заканчиваю работу в пять тридцать, — выговорил он наконец. — Оставьте номер, я свяжусь с вами.

Когда они вышли из кабинета, Линь Му всю дорогу парил рядом с Гу Цянем. Он то рассыпался в благодарностях, то принимался негромко ворчать.

— Ну зачем ты ему сказал... Что мне теперь передать? Я с ума сойду от этих мыслей...

Он летал туда-сюда, и его жалобы раздавались в ушах бесконечным стереоэффектом.

— Ты сейчас развеешься, — остановился юноша, чтобы предупредить его. — Я же говорил, твоя аура слишком нестабильна, чтобы долго находиться в мире живых.

Цзи Лююнь тут же поддакнул:

— Точно! Я помню, Гу Цянь тебя предупреждал.

Призрак продемонстрировал чудеса избирательной глухоты и продолжил носиться кругами.

— Что делать, что делать... Что ему сказать? Что он захочет услышать? Может, отдать ему мою коллекцию фигурок? Я...

Стоило им выйти на солнце, как его голос внезапно сорвался. Словно что-то сдавило ему горло, а призрачное тело замерцало с новой силой. Весь его облик стал расплывчатым из-за этого скачка энергии, но Линь Му, кажется, даже не заметил метаморфозы, продолжая бормотать:

— И еще... он сегодня не завтракал. А вчера допоздна засиделся. Может, вы уговорите его хотя бы поужинать как следует?

С каждым словом бывший врач становился всё прозрачнее. Златовласый призрак, видя это, жалобно посмотрел на Гу Цяня.

— Чего ты на меня так уставился? — огрызнулся тот. — Этот тип украл твою ногу и шантажировал тебя. Ты его жалеешь, а кто пожалеет тебя?

Его до белого каления доводила эта черта Глупого Пса: соперничать всем подряд, быть мягким и добрым с каждым встречным. Тот был готов печься даже о воре, причем с таким видом, будто это в порядке вещей. Казалось, даже если на этого пса обрушатся все невзгоды мира, он лишь пожмет плечами и с неизменной улыбкой скажет: «Ничего страшного, я в порядке».

Глупец.

Гу Цянь с ледяным лицом прибавил шагу.

— Но ведь у меня есть ты, ты же меня жалеешь, — Цзи Лююнь с гордым видом забежал вперед, заглядывая медиуму в глаза. — Тем, кого ты не жалеешь, действительно приходится туго. Может, поможем ему? По-моему, он хороший человек.

Юноша чуть замедлился.

— А для тебя бывают плохие люди?

Цзи Лююнь не сдавался:

— Конечно! Меня ведь уже били когда-то.

Гу Цянь остановился, сердито зыркнул на пса, после чего мощным импульсом духовной силы заставил Линь Му прийти в себя и извлек из сумки стабилизатор души.

— Если к четвергу, после операции, ты не вернешь ногу, я найду тысячи способов превратить твоё посмертие в ад.

Золотистый снова вставил свои пять копеек:

— Советую тебе слушаться. Гу Цянь очень крутой, он слов на ветер не бросает.

Линь Му с любопытством уставился на прибор, похожий на миниатюрный пауэрбанк. Серебристый корпус был украшен изящными медными заклепками по углам, а на ЖК-экране в центре светился уровень заряда — 99%.

— А он... — начал призрак. — Сделает «пиу-пиу»?

Гу Цянь: «?»

Линь Му смущенно пояснил:

— Я думал, если будет спецэффект, мне будет проще туда забраться. Простите, я ведь впервые умер, опыта маловато.

Юноша нахмурился еще сильнее. Откуда у всех этих мертвецов берется такая поразительная фамильярность? Почему каждый встречный покойник считает своим долгом шутить в его присутствии? Сначала Цзи Лююнь, теперь вот Линь Му.

Медиум чувствовал, что Линь Му, получив обещание помощи, заметно успокоился. Словно он записал его в ряды великих благодетелей. Кажется, тут возникло какое-то серьезное недопонимание.

Призрак, присматриваясь к прибору, продолжил анализ:

— Или эта штука как те ловушки из сериалов? Я залезу внутрь, и меня там медленно переварят?

— Меньше смотри телевизор, это вредно для мозга, — Гу Цянь щелкнул выключателем, и Линь Му серебристым ручейком втянулся внутрь стабилизатора.

Цзи Лююнь с любопытством сунул нос в прибор.

— Там удобно?

— Тоже хочешь попробовать? — вопросом на вопрос ответил юноша.

— Нет уж, спасибо, — пёс поспешно отступил.

На электронном табло стабилизатора высветилась надпись:

[Ого, а тут просто супер]

Златовласка снова придвинулся ближе.

— Ты говорил, что внутри засыпают.

— Угу, — Гу Цянь покрутил прибор в руках. — Он принудительно стабилизирует духовную сущность, но время ограничено. Максимум — месяц.

Он глянул на таймер на экране: 30 дней 00 часов 00 минут.

— Пошли, проведаем Сяо Су, — предложил медиум, и Цзи Лююнь тут же радостно согласился.

Люй Су лежал в реабилитационном отделении. В четырехместной палате было трое пациентов. Его койка стояла у окна. Тело мальчика казалось еще более хрупким и крошечным, чем его призрачный облик. На табличке у изголовья значилось: «Длительный постельный режим».

Возле Сяо Су было мало личных вещей, в основном — приборы для мониторинга жизненных показателей и системы ухода.

Цзи Лююнь прошептал:

— Сяо Су говорил, что в последнее время его душа всё реже может выходить наружу. Это ведь хороший знак?

— Да, — кивнул Гу Цянь. — Пожалуй.

Шансы на пробуждение из вегетативного состояния зависят от степени повреждения мозга. Гу Цянь помнил отчет Чэн Ушэна: хотя ствол мозга Сяо Су пострадал, повреждения были обратимыми. Когда метаболизм и нейронная активность восстановятся, вероятность возвращения в сознание будет велика.

— А я могу для него что-нибудь сделать? — с надеждой спросил Глупый Пёс.

Гу Цянь обвел взглядом палату. На тумбочке у соседа лежали открытки, у другого — сладости и выпечка, чуть дальше виднелись игрушки. И только у Сяо Су было пусто — ни единой конфеты.

— Можешь спуститься в магазин внизу и купить ему каких-нибудь вкусняшек, — сказал юноша. — Расставь их тут. Пусть соблазняют его, глядишь, и очнется быстрее.

— Отличная идея! — Золотистый уже сорвался с места, но замер в дверях. — Гу Цянь, а что любят дети?

— Покупай то, что нравится тебе.

Медиум присел на край кровати Сяо Су и достал телефон. После битвы на улице Сянхуа-лу Глупый Пёс прославился на весь мир «Цзе Жун». О нем слагали легенды.

[#ЗолотистыйПризракТелохранитель№1]

[#НаЧтоСпособнаБоеваяМощьОднойНоги]

[#НоваяПорцияМилотыОтГуЦзинь]

[#КтоТронетГуЦяня—ТомуКонец]

[Это официально! Золотистый призрак впал в ярость ради Гу Цяня. Полный разнос! Кто сказал, что с одной ногой нельзя драться?]

<Фото.jpg>

На фоне обломков и руин в воздухе еще таяли искры золотистого духовного света. В центре кадра Цзи Лююнь с покрасневшими глазами склонился к Гу Цяню. Даже когда пёс наклонился, юноше всё равно приходилось задирать голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Их разница в росте создавала идеальную дистанцию. Пальцы Гу Цяня коснулись века Глупого Пса, смахивая слезы.

Их тени переплетались среди руин. В тишине ночи один плакал как ребенок, а другой выглядел невообразимо нежным.

[Первая_ночь_дома: Соратники, вы видели фото, где Золотистый дерется на одной ноге? Он же тех мастеров-хранителей Инь гонял так, что они свои головы теряли! Просто бальзам на душу!]

[Постоянный_жилец_морга: Был там, видел всё своими глазами. Когда Золотистый начал раздавать, такая аура пошла — думал, мне конец. Скажу честно: страшно было до жути, но как же они круто смотрятся вместе!]

[Всё_еще_парю: О-о, завидую тем, кто видел вживую! Золотистый реально зверь, просто обычно не показывает виду.]

[В_судьбе_не_хватает_жизни: Ни хрена себе?! Это тот самый глупый пёс?]

[Призрачный_бездельник: Золотистый обычно такой дурачок, а в бою — просто танк. Понимаю, почему Гу Цянь его так балует.]

[Мастер_по_обновлению_купюр: Давайте проанализируем. Золотистый на людях: <фото_ярости.jpg>. Золотистый рядом с Гу Цянем: <фото_лапочки.jpg>. Боевая мощь — максимум, послушание — максимум. Кто устоит перед его слезами?! Этот контраст просто срывает крышу!]

[Капли_на_могильной_траве: Да уж, ГуЦзинь — это канон!]

[Пробка_на_пути_к_перерождению: Если они не настоящие, то я — китайский император.]

[Рассыпаю_прах_но_не_честь: Подскажите, в какую сторону кланяться, чтобы мне достался такой же? Это жизненно важно!]

[Смерть_не_радость: Погодите-ка, та психушка на рюкзаке... она же сто лет как закрыта. Почему он с ним ходит?]

[Ремонт_на_мосту_Найхэ: Я как раз в той больнице и загнулся. Там был сущий кошмар! Опыты на людях ставили!]

[Призрак_на_удаленке: Ого, не продолжай... история была громкая.]

Гу Цянь замер, глядя на название больницы. Он до конца своих дней не забудет это место.

Психиатрическая больница «Инсюэ».

На сто второй день своего скитания вдали от дома Гу Цянь попал туда. Основанием послужил донос: кто-то заявил, что он напал на человека на улице. Начало зимы, тонкий слой снега, пронизывающий холод. В тот день ему исполнилось семь лет.

Маленький Гу Цянь тогда еще не знал, что его духовная сила может приносить доход, и полгода питался тем, что находил на помойках. В тот вечер он, как обычно, рылся в мусорных баках за рестораном. Уходя, он увидел через окно, как внутри какой-то ребенок празднует день рождения. Родители хлопали в ладоши и пели песню, а на торте горели семь свечей.

Мальчик застыл как вкопанный. В душе стало горько и тоскливо, и в то же время — невыносимо завидно. Он немного скучал по дому, но еще больше — боялся того дома. Он коснулся фаланги деда на шее, и сердце чуть успокоилось. Глядя сквозь стекло, он осторожно, затаив дыхание, дунул в сторону свечей, воплощавших чьи-то добрые пожелания.

Так он вроде как тоже отметил день рождения.

Прижимая руку к пустому животу, он уже собирался уйти, но не удержался и обернулся, чтобы шепотом загадать желание.

«Случится ли сегодня что-нибудь хорошее? Получит ли малыш Гу Цянь хоть какой-нибудь подарок?»

В этот момент родители того ребенка встали, чтобы встретить гостей. Малыш, пошатываясь, потянулся за ними и начал падать со стула вниз головой. Гу Цянь, не раздумывая, выпустил поток духовной силы. Стекло разбилось, но невидимая рука подхватила ребенка.

Люди в зале закричали:

— Маленький бандит разбил стекло! Он хотел ранить ребенка!

Потом всё превратилось в хаос и позор. Ребенок твердил, что никого не хотел ранить, что он хотел спасти... Он был в отчаянии, не понимая, почему его попытка помочь снова обернулась против него. Лица родителей и тех, кто его допрашивал, слились в одно враждебное пятно, загоняя его в угол.

— Я никого не обижал! Я не плохой! — в иступлении кричал маленький Гу Цянь. — Не заставляйте меня! Не убивайте...

В тот же день его отправили в психиатрическую больницу. Под вывеской детского лечебного учреждения скрывался центр по изучению духовной силы. Крошечное тело привязали к столу в лаборатории. Забор крови, дробление души... Белые халаты бесчисленное количество раз

пытались вырезать и извлечь частицы силы лиса-демона. Его окружили холодные обсуждения и безжалостный ритм медицинских аппаратов.

Было больно. Пока он оставался жив, боль не прекращалась ни на секунду. Под слепящим светом ламп тонкая нить жизни постепенно теряла свой вес. Он начал гнить еще до того, как успел расцвести.

Тогда он был слишком мал и верил, что у каждого вопроса есть ответ. Он почти маниакально пытался понять: почему? Почему всё именно так? Почему каждый может причинить ему боль? Разве делать добро — это преступление? Разве хотеть любви — это грех? И разве мечта о подарке — тоже преступление?

Ответов он так и не получил. И по сей день в глубине души он оставался тем самым напуганным ребенком. Все эти годы Гу Цянь ковал себе доспехи из худощавого тела и колючего характера, живя тяжело и на износ.

Он не боялся боли. Именно поэтому он отдал тот рюкзак Цзи Лююню. С почти мазохистским упорством он заставлял себя смотреть в лицо этим воспоминаниям, ломая старые кости, чтобы на их месте выросла новая плоть. Он хотел доказать семилетнему себе, что может стать лучше, что в нем нет никакой вины.

Это был эгоистичный и самонадеянный выбор. Если Цзи Лююнь настолько полон света и тепла, почему бы медиуму не воспользоваться этим? Опереться на это тепло, чтобы унять старую боль?

Золотистому это удалось. И юноше тоже.

Он думал, что если привыкнет видеть этот рюкзак на псе, то сможет окончательно победить страх перед больницами. Да, он ненавидел «Инсюэ», но те руины, стертые временем, оставили после себя тонны ужаса, сопровождавшего его всю жизнь. Детские страхи пускают слишком глубокие корни. Кинжал, которым мать когда-то ударила Гу Цяня, давно заржавел, но ржавчина продолжала разъедать его кости, раз за разом едва не раздавливая его упрямую душу.

Медиум до сих пор до смерти боялся больниц. Боялся этого места, где жизнь и смерть идут рука об руку; боялся запаха дезинфектора, белых халатов, писка приборов. Об этом страхе он всегда молчал, не смея позволить себе роскошь быть искренним или любимым.

Он специально отослал Цзи Лююня, полагая, что сможет в одиночку встретить свой страх. Но он потерпел неудачу. Запах антисептика просачивался под кожу, капля за каплей парализуя нервы. Руки и ноги снова стали ледяными. Ему казалось, что он снова привязан к кровати в той палате, лежит на операционном столе под прицелом белых теней.

Гу Цянь свернулся калачиком, совсем как в семь лет. Он зажал рот ладонью, не позволяя

вырваться ни единому звуку, свидетельствующему о его слабости. Но воспоминания неумолимо лезли наружу: ощущение иглы под кожей, свист скальпеля, разрезающего плоть.

Телефон взорвался серией уведомлений, словно кто-то настойчиво стучал в дверь. После случая на улице Сяньхуа-лу Цзи Лююнь, не дожидаясь просьб, начал поминутно отчитываться о каждом своем шаге. Стоило им потерять друг друга из виду — даже если пёс просто переходил с этажа на этаж — он тут же строчил сообщения.

За время спуска на лифте пришло полтора десятка уведомлений:

[Я выхожу из палаты.]

[Я уже на углу коридора.]

[Нажал на кнопку лифта.]

[Я в лифте, хе-хе.]

[Я героически вышел из лифта.]

[Гу Цянь, Гу Цянь, посмотри на этот цветочек, он так на тебя похож.]

Когда Глупый Пёс вернулся с огромным пакетом вещей, Гу Цянь уже заставил себя успокоиться. Впрочем, настроения у него не прибавилось. Опершись о стену, он безучастно наблюдал за тем, как Златовласка с энтузиазмом обустраивает тумбочку Сяо Су.

Наконец пёс с таинственным видом и сияющими глазами подкатился к нему.

— Гу Цянь, Гу Цянь! — позвал он, совершенно не умея скрывать восторг в голосе.

— Чего тебе? — юноша еще не до конца вынырнул из своих воспоминаний, в горле всё еще саднило. Он не поднимал головы, не желая смотреть на пса.

Внезапно в поле его зрения вплыл пухлый розово-белый зефир в форме собачьей лапки. Огромный, больше ладони Глупого Пса, он был похож на заблудившееся облако.

— У нашего малыша Гу Цяня тоже должен быть подарок.

Воспоминания мгновенно рассыпались в прах.

Гу Цянь застыл, глядя на этот нелепый зефир, и слезы без предупреждения хлынули из его глаз. Он увидел, как худощавая рука тянется к подарку, который опоздал на столько лет.

— Ты слишком долго шел.

<http://bllate.org/book/15848/1435524>